

Долго онъ принималъ форму, красивую внѣшность за суть своего идеала, долго примѣривалъ онъ къ себѣ или, лучше, себя примѣривалъ то къ тому, то къ другому идеалу совершенства, не зная, чѣмъ быть или казаться лучше, красивѣе: онъ вѣрилъ въ совершенствованіе, но «въ чёмъ было это совершенствованіе и какая была его цѣль,— онъ не могъ бы сказать; онъ старался «совершенствовать себя умственно, старался совершенствовать свою волю... Но скоро желаніе быть лучше передъ собою или передъ Богомъ уступило мѣсто желанію быть лучше передъ другими людьми... Стремленіе къ нравственному усовершенствованію подмѣнивается стремленіемъ къ усовершенствованію вообще, къ прогрессу... Дѣло не въ названіяхъ, ибо ихъ можно сколько угодно прибрать (благо они такъ всѣ туманны и неопределены), для обозначенія красоты эстетического идеала, а въ томъ, что здѣсь происходитъ съ нимъ именно то, что мы говорили: единственно потребный ему идеалъ *этический* смыкается съ идеаломъ *эстетическими*,— определенное стремленіе къ усовершенствованію нравственному «подмѣняется» стремленіемъ къ какому-то неопределенному усовершенствованію «вообще», къ «прогрессу»... Въ эти «примѣрванья», не забудьте, ушла добрая половина, если не болѣе, жизни его, чрезъ которую красною нитью проходитъ одно явленіе, одна цѣль — *быть лучше*, но все это къ несчастью, съ совершенно невыясненнымъ, несознаннымъ до болѣе осозаемыхъ формъ внутреннимъ идеаломъ этическимъ, который постоянно смыкался у него со схожимъ ему виѣшнимъ идеаломъ эстетическимъ, служеніе истинной красотѣ — добра съ служеніемъ «красотѣ вообще»:

«Сколько разъ ухитрялся я скрывать въ писаніяхъ своихъ, подъ видомъ равнодушія и даже насмѣшки, тѣ затаенные стремленія души своей къ *истинной красотѣ добра*, такое